

культуры. Это обстоятельство позволяло рассмотреть проблемы искусства с разных сторон, что во многом расширяло возможности развития данного вида творчества. Членами общества являлись академики Я. Дыла и В. Ластовский, искусствоведы Н. Касперович и Н. Щекотихин, художники А. Грубе, А. Каштелянский, Г. Шульц, А. Бразер, Н. Красинский, Н. Дучиц и т. д.

В задачи общества входил ряд практических и теоретических вопросов искусства, основными из которых являлись: популяризация изобразительного искусства среди населения, изучение всех форм изобразительного искусства, помощь в решении существующих художественных проблем, улучшение условий труда художников. В рамках объединения планировалось создать несколько комиссий: комиссий для составления словаря изобразительного искусства, для обеспечения художников материалами и принадлежностями для художественной работы, комиссии по методологии изобразительного искусства, издательскую комиссию и др. [6, л. 1-3].

Переворотным моментом в истории художественных объединений Беларуси стало постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года, которое подвело итоги формирования белорусской культуры и искусства 20-х годов и определило вектор его дальнейшего развития. Фактически это постановление лишило художников и организационной, и творческой самостоятельности, их деятельность могла проходить теперь исключительно под руководством партии. В 1933 году был создан оргкомитет Союза советских художников БССР и ликвидированы все другие филиалы и объединения художников [7, л. 15].

Исследование развития творческих объединений художников Беларуси 20-х годов прошлого столетия свидетельствует, во-первых, о том, что существовала тесная связь объединений с общей политической ситуацией в стране. Во-вторых, за послереволюционное десятилетие так и не возникло ни одного по-настоящему сильного объединения. В-третьих, постановлением 1932 года партия навязала обществу единственно возможную форму существования творческого коллектива – союз с его жестким подчинением центру, строгой организационной структурой и унификацией творческих методов. Превратив художественные коллективы в придаток государственного механизма, надежных проводников культурной политики партии.

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд. 34. - Оп. 1. - Д. 165. Постановление и циркуляры ЦИК, СНК и НКВД БССР и переписка с исполкомами о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов.
2. Гісторыя беларускага мастацтва: У 6 т. Т.4: 1917-1941 гг./Рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш.; Рэд. тома Л.Д. Дробаў, В.Ф. Шматаў. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 352 с.
3. Пурышева, Н.М. Культурная политика и культура Беларуси, 1918-1920-х гг. / Н.М. Пурышева. – Могилев: МГУ, 2004. – 48 с.
4. Хроніка беларускай культуры // Польшча. – 1928. - № 9. - С. 225.
5. НАРБ. Фонд. 42. - Оп. 1. - Д. 300. Постановление, циркуляры СНК, Наркомпроса БССР, устав и список членов Всебелорусского общества «Луч».
6. НАРБ. Фонд 42.- Оп. 1. - Д. 1957. Протоколы собраний членов Белорусского общества сторонников изобразительного искусства.
7. НАРБ. Фонд. 4. - Оп. 1. - Д. 3547. Материалы по вопросу издательства и обеспечения литературой.

УДК 16

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ПРИПИСЫВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ НУЛЕВЫМ ПО ОБЪЕМУ ИМЕНАМ НА МЫШЛЕНИЕ

К.ф.н., доц. Уткевич В. А.

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Существование нулевых (пустых) по объему имен известно еще со времен зарождения логики. Естественно, что подобного рода имена использовались в обыденной речи лишь как семантически значимые, причем «значимость» возникала, как правило, в результате невольного заблуждения говорящего, и лишь в некоторых случаях она являлась результатом сознательного обмана им слушающего. В настоящее же время, на наш взгляд, процесс приписывания нулевым по объему именам семантической значимости получил свое широкое распространение именно с целью осознанного влияния на массы. Причем данное влияние затрагивает не только лишь идеологическую или социально-политическую сферы человеческой жизнедеятельности, оно

приводит к негативным последствиям для всего человеческого мышления. Именно на анализе этих последствий мы остановимся в своем исследовании.

Предварительно необходимо отметить, что в современной теории множеств пустое множество считается несобственным подмножеством любого другого непустого множества. Таким образом, можно легко показать, что всякое утверждение о нулевом по объему имени (то есть об имени, объемом которого является пустое множество) является истинным утверждением. С другой стороны, точно также легко доказать и то, что такое утверждение является ложным. Данное утверждение можно проинтерпретировать в рамках закона об обратной пропорциональной зависимости между объемом имени и его содержанием. Согласно этому закону, чем меньше объем имени, тем, соответственно, больше его содержание. Следовательно, те имена, которые в своем объеме не содержат ни одного элемента, являются бесконечными по своему содержанию. Так, например, «круглые квадраты» обладают любыми свойствами: они могут быть большими и маленькими, цветными и бесцветными, реально существующими и реально несуществующими.

Для того чтобы избавиться от нарушения одного из самых фундаментальных логических законов (закона непротиворечия), в современной математической логике запрещается употребление пустых множеств. Отметим, что древнегреческий философ Аристотель, также был против применения имен с пустым по содержанию объемом. Интересно, что причины данного запрета у него носили отнюдь не формальный характер. «Установление содержания имени как непустого, – считает белорусский исследователь А. Н. Шуман, – вышло у Аристотеля (как и во всей докантовской метафизической логике) за рамки логической проблематики и относилось к теоретическим задачам метафизики – учения о «сущем как таковом», т. е. учения о структуре неформальной семантической модели. Метафизическая логика как «первая философия» исследовала утверждения или отрицания в том виде, в каком они относятся ко всему сущему» [1, с. 77].

На наш взгляд, в настоящее время существует объективная необходимость введения не только в научную, но и в обыденную жизненную практику аналогичного запрета. И дело здесь не только в формальной логике. Как известно последняя представляет собой лишь одно (причем даже не самое главное) из вспомогательных средств мышления в целом. Дело в том, что отсутствие такого запрета приводит к подрыву всей мыслительной способности людей.

Конечно, на первый взгляд может показаться, что мы имеем дело с иным вариантом мышления (иномышлением) или даже с антимышлением. На самом же деле это не так. Как известно, мышление различных народов могло настолько радикально отличаться друг от друга (и в настоящее время, несмотря на процесс глобализации, указанное отличие для некоторых народов еще действительно актуально), что, поначалу, эти народы могли с трудом понимать друг друга. Однако с течением времени возникал определенный уровень понимания между ними, поскольку любое иномышление, в том числе и антимышление также является мышлением (подобно тому, как антиматерия является материей). В его рамках существуют свои специфические законы. Знание этих законов приводит к определенной степени понимания самого мышления.

Важно понимать, что в системах современных формальных (неклассических) логик, которые получили достаточно широкое распространение в настоящее время, доказать или опровергнуть можно далеко не любое утверждение. Так, например, в некоторых из них отсутствует закон непротиворечия (по крайней мере, в его традиционной формулировке), но существуют иные логические ограничения на процесс доказательства. Сказанное в полной мере относится и к мышлению в целом. И дело здесь вовсе не в его соответствии или несоответствии действительности какого-то его инварианта, а в самой структуре этих инвариантов. Следовательно, антимышление не является полным отрицанием мышления как такового. При желании его даже можно считать некоторой интеллектуальной ступенью (впрочем, далеко не для всех обязательной ступенью) к единому человеческому мышлению.

Отметим, что в рамках современной математической логики ученого совершенно не интересует вопрос об истинности или ложности отдельных посылок. Для него важно лишь знать, следует ли из истинности посылок истинность заключения. Вопрос же реально-содержательной интерпретации посылок в данном случае носит бессмысленный характер. также существует возможность построения логического вывода любого утверждения. В рамках древнегреческой философии первыми обратили внимание на данную возможность софисты. Именно они показали, что с помощью логики возможно вывести такие законы, которые будут находиться в противоречии по отношению друг к другу. Так, например, Диоген Лаэртский указывал на то, что один из софистов – Протагор «первый заявил, что о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом...и что все на свете истинно» [2, с. 348]. Сама же возможность формальной логики объясняется свойством такой бинарной операции, как импликация. Дело в том, что импликация считается истинной при любом значении истинности акцедента, при условии ложности консеквента. Иными словами, из ложной посылки может следовать любой вывод.

Однако если мы будем использовать в своих рассуждениях пустые по объему имена, то вывод любого утверждения детерминирован не свойством импликации, а является следствием свойства самого пустого множества

В случае же применения в рассуждениях нулевых по объему имен исчезает само понятие логического закона. Таким образом, мы имеем дело с отсутствием сущностных свойств самого процесса мышления как такового. Конечно, последнее далеко не сводится к логическим рассуждениям. Более того, эти рассуждения даже не играют главной роли в мыслительном процессе. По крайней мере, позитивной роли. Однако именно в этом случае они могут оказать свое существенное негативное влияние на него.

Важно подчеркнуть, что широкое распространение процесса приписывания семантической значимости нулевым по объему именам в настоящее время носит ярко выраженный идеологически и политически заказной характер. В качестве примера остановимся на применении такого имени как «общечеловеческие ценности». Об их реальности и необходимости уважения и любви к ним не устают нам вещать каждодневно политики, ученые, педагоги и др. Причем под «общечеловеческими ценностями» понимают, в первую очередь, некоторое общее (или родовое) понятие по отношению к единичным (или видовым) понятиям «национальные ценности». Между тем, многие величайшие мыслители, как отечественные (Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич), так и зарубежные (М. Вебер, Дж. Тойнби, О. Шпенглер) неоднократно подчеркивали, что таких ценностей не существует. «Общечеловеческого, – писал в своей работе «Россия и Европа» русский философ XIX века Н. Я. Данилевский, – не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности, одним словом довольствоваться невозможной неполнотой» [3, с. 129].

Широкое же применение этого понятия не только в научной литературе, но и в средствах массовой информации обусловлено стремлением навязать целым народам под видом общечеловеческой аксиологии часто чуждую для них систему ценностей. Конечно, нельзя утверждать, что некоторые положения данной аксиологической системы не были известны отдельным народам. Однако в качестве общечеловеческих такие положения никогда не существовали. Естественно, что в результате широкого распространения концептуальной химеры одновременно будут уничтожаться все те национальные элементы мышления, которые противостоят навязываемым извне вариантам. Для того же, чтобы ослабить сопротивление данному процессу, всех его противников будут упрекать в отсутствии толерантности и даже в ксенофобии.

В данном случае важно также и то, что «общечеловеческим ценностям» (а также как и всем другим пустым по объему именам), как уже отмечалось, можно приписать любые свойства. Таким образом, возникнут целые «научные» направления и школы, изучающие с разных исходных «методологических» позиций феномен «общечеловеческих ценностей». Естественно, что в дальнейшем это приведет к широкому распространению так называемого плюрализма мнений в обществе. Конечно, времени на анализ реальных проблем у большинства из людей не останется, да и сама способность к мышлению будет постепенно исчезать.

В заключение отметим, что имя «общечеловеческие ценности» может все-таки иметь позитивный семантический характер, но для этого оно должно истолковываться радикально отличным образом от приведенного истолкования. Дело в том, что в рамках формальной логики под менее общим по объему имени понимается такое имя, объем которого полностью включается в объем другого, более общего по объему имени. Так, например, имя «студент» менее общее по объему по отношению к имени «человек».

В содержательном же отношении вопрос о более общих и менее общих именах может носить онто-генетический характер. И в этом случае мы будем исходить из того, что используемые людьми имена, должны соответствовать некоторым реально существующим объектам. Если же существование одного из таких объектов генетически предшествует (и порождает) существование другого объекта (исключением является, безусловно, теория креационизма в христианстве), то в данном случае мы можем говорить, что имя первого объекта является более общим по отношению к имени второго объекта. Таким образом, если существование национальных ценностей явилось причиной возникновения общечеловеческих, то последние носят реальный характер. Само же имя «общечеловеческая ценность» будет менее общим по отношению к имени «национальная ценность».

Естественно, что становление порожденного объекта не должно привести к уничтожению порождающего. В реальной же жизни процесс глобализации и направлен на уничтожение всех национальных аксиологических систем. Следовательно, сами общечеловеческие ценности – по крайней мере, в той их трактовке, которая в настоящее время навязывается во всем мире – реально не существуют. Автор полагает, что для придания имени «общечеловеческие ценности» реального статуса необходимо именно их генетическое обоснование с помощью уже реально

существующих (то есть не-пустых по объему) имен. А для этого необходимо, чтобы общечеловеческие ценности явились органическим результатом внутреннего развития всего человечества, а не политическим продуктом глобализации. Впрочем, возможно предположить существование данного феномена и сейчас, но называть его более целесообразно именем, предложенным Н. Я. Данилевским: «всечеловеческими ценностями».

Список использованных источников

1. Шуман, А. Н. Философская логика: Истоки и эволюция. – Мн.: Экономпресс, 2001. – 368 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 576 с.

УДК 316.75

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «ТЕРПИМОСТЬ»

К.ф.н. Уткевич О. И.

Витебский государственный технологический университет

В современных словарях русского языка слова «толерантность» и «терпимость» считаются тождественными. Отметим также, что в словарях приводится и другое лексическое значение толерантности, которое впервые было введено в 1953 году английским ученым П. Медаваром для обозначения специфической особенности иммунной системы живого организма не отторгать пересаженные в него чужеродные клетки другого организма. В дальнейшем мы не будем использовать данное значение, а обратим внимание как раз на перевод этого этимологически восходящего к латинскому языку слова «толерантность».

Очевидно, что семантическая тождественность (или нетождественность) двух языковых выражений во многом зависит от того мировоззрения, в рамках которого они рассматриваются. Особенно ярко данный феномен проявляется при семантическом анализе тех выражений, которые сами по себе носят мировоззренческий характер. Так, например, понятия «человек» и «мыслящий тростник», «человек» и «образ и подобие Божие» считаются тождественными между собой только лишь в границах определенного мировоззрения и, соответственно, используются в качестве таковых исключительно в философском или, например, богословском дискурсе эпохи. Автор полагает, что тождественность понятий «толерантность» и «терпимость» возможна в рамках только лишь так называемого «либерального» дискурса. В рамках же других дискурсов, объем и содержание данных имен могут радикально отличаться друг от друга. Вот почему, при переводе, например англоязычной социально-философской литературы на русский язык, в зависимости от изначального дискурса могут возникнуть неправильное понимание тех мыслей и идей, которые непосредственно взаимосвязаны с понятием «толерантность».

Конечно, подобного рода сложности существуют в практике любого перевода аналогичных понятий. Дело в том, что «Каждый язык, – как отмечает современный российский исследователь А. В. Рязанов, – являясь результатом длительного развития общественной практики, вырабатывает свое понятие подобного рода, которое может отличаться неповторимым своеобразием и смысловыми нюансами. Соответственно, каждое из них по своему обуславливает поведение человека в рамках той или иной культуры» [1, с. 21-22]. Специфическая же особенность применения имени «толерантность» в современных российских и белорусских условиях состоит в том, что в научный дискурс они вошли только лишь во второй половине 80-х годов прошлого столетия во времена начала так называемой «перестройки». На Западе же этот термин стал применяться намного раньше. Вот почему, по мнению А. В. Рязанова, «в ситуации современной России базовые понятия либерального дискурса накладываются на иную, чуждую для него реальность. В результате, как это часто бывает в таких случаях, разрушается имевшийся ранее порядок вещей и его дискурсивное оформление» [1, с. 21].

Отметим, что некоторые российские авторы выступают вообще против перевода на русский язык слова «толерантность», считая его излишним, то есть не несущим никакой новой семантической нагрузки по сравнению с традиционными русскими словами «терпение» и «терпимость» «Что более всего не по сердцу автору этих строк, – пишет В. Ирзабеков, – так это именно перевод самого понятия *толерантности* на русский язык. Только прислушайтесь: нас призывают относиться к окружающим терпимо, то есть *терпеть* людей. Но разве не в этом и состоит вера наша? И разве не к этому, только совершенно по-иному призывает нас Господь